

P2  
П84

Александр Проханов

СВЕТЛА М9 79.



**ДЕРЕВО  
В ЦЕНТРЕ  
КАБУЛА**

983962

Александр  
Проханов

P2  
П84

P2

296586



**ДЕРЕВО  
В ЦЕНТРЕ  
КАБУЛА**

РОМАН

МОСКВА  
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

1982

Оренбургская областная  
библиотека им. Н. К. Крупской

румяк

## ГЛАВА ПЕРВАЯ

Далеко — за тяжелой амударьинской водой, сквозь краны термезского порта — волнистые красно-рыжие афганские земли в зимних сожженных травах, в солнечной проседи холмов и предгорий, невидимая, иная земля. А здесь, в Термезе, — лязг и скрежет железа, хруст стальной колеи, мазутное движение составов, бруски разноцветных контейнеров, и Волков, отрываясь от разлива реки с бегущей вдали самоходкой, снова и снова смотрел на ряды тракторов, голубые и стройные, застывшие на бетонном причале. Сооруженная наспех, увитая цветами и флагами, возвышалась трибуна, и Волков старался запомнить, мысленно описать пестроту многолюдья. Тибетейки, халаты, рабочие робы, русские и узбекские лица. Музыканты, устав от игры, опустили меднокованные, с вмятинами солнца трубы. Девушки в шелковых платьях, оттанцевав, откружив, тихо смеялись. Все на виду, возбуждены, готовы к речам и проводам, озирают шеренги синих глазастых машин, нацеленных хрусталами фар за реку, в другую землю, где предстоит им движение к неведомым, их поджидающим нивам.

Волков видел: Нил Тимофеевич Ладов, инженер-мелиоратор, направлявшийся с тракторами в афганские села, волнуется, гладит руками перила. Его полное, простодушное, исполненное ожидания лицо обращалось то к машинам, словно их пересчитывал, то через реку к афганскому берегу, в желанную и тревожную даль. И маленькая зимняя чайка, проскользнув сквозь грохоты порта, мелькнула над его головой.

Здесь был и кабульский партиец Саид Исмаил, прибывший на дружеский митинг, — коричневое большеглазое лицо, шевелящиеся мягкие губы. Афганец счастливо взирал на ряды тракторов, не мог оторваться от глянцевитых стекол, крашеной яркой стали. Наклонялся к Нилу Тимофеевичу, что-то ему говорил, указывая смуглым пальцем на реку, и тот отвечал.

Тут был и старый узбек, чье тело в полосатом халате казалось хрупким, как полое сухое растение. Его жизнь, готовая исчезнуть и кануть, держалась на хрупком сухом черенке, готовом вот-вот обломиться, и он сквозь дремоту слушал громкие речи людей, громыха-

ние моторов и бубнов, и старая рана, полученная от басмаческой пули, тихо болела.

Рядом, возвышаясь, вздымая могучую грудь в орденах, в крохотной тибетеечке на широкой смоляной голове стоял председатель колхоза. Его отвлекли на митинг от огромного, лежащего по соседству хозяйства, отдохавшего после хлопковой жатвы. Чинились на машинном дворе исхлестанные хлопком комбайны. Вода по бетонным желобам бежала из канала, поила изнуренную родами землю. Носился самолет, рассеивая белый прах удобрений. Пускали новую насосную станцию, громадные насосы ухали, гнали в степь желтую амударьинскую воду. Обо всем этом думал сейчас председатель, стараясь представить, как живут те неведомые землепашцы, кому отправляли сейчас трактора, — как живут и хотели бы жить.

Первым говорил Нил Тимофеевич. Речь его, неумелая, с поисками нужных слов, с протягиванием рук, была о даре, идущем от сердца. О тех, кто создал трактора: добывал из земли железо, плавил сталь, ковал и точил, собирая машины, перенося в них свое умение, свою добрую волю, все лучшее, на что способна душа. Кончил говорить, поклонился особым, нетрибунным поклоном. Волков глядел на его смущенное, разволновавшееся лицо, и белая чаечка, скользя сквозь железные краны, снова мелькнула над его головой.

Вторым говорил Саид Исмаил. Речь его была мегафонно-звонящая, и слова, вырывавшиеся из-под черных усов, были о народе, встающем с колен, о начале дороги, на которую вышел его народ за хлебом и правдой, как некогда вышел великий соседний народ. Теперь два народа-брата на едином пути, один впереди, другой лишь ступил на него. И ушедший вперед обернулся, протянул брату руку, и тот пожимает ее, принимает дар тракторов. Он по-мусульмански прижал ладонь к сердцу, а потом воздел ее, стиснув в кулак. Волков понимал его горячее стремление домой, за реку, где ждали его неоглядные труды и заботы до старости, до седин, и чувствовал, что вступает с ним в еще неясную, еще безымянную связь, которая будет иметь продолжение. Сам вместе с ним стоит у начала пути. Не ведал, как его совершит, как закончит, как встретится с ним в красноватой заречной стране.

Кончил говорить председатель. Чуть слышно хлопнул в ладони. Трубачи, сделав глубокие вздохи, подняли кованные, метнувшие солнце трубы. Ударили барабаны

и бубны. Им откликнулись тепловозы и краны. Девушки, запыхав рукавами, поплыли по кругу. И все пошли к тракторам. Открывали капот у переднего и на синей крышке, макая в баночку кисть, выводили красное слово «Дружба», ставили под ним свои подписи. И Нил Тимофеевич, и Саид Исмаил, и директор, и портовый рабочий. Словно писали письмо тем, кто ждал трактора в далеком безвестном пространстве.

И теперь, сидя в кабульском номере, заносая пометки в свой журналистский дневник, Волков вспоминал тот недавний митинг в Термезе, думал о том, как идут трактора сквозь туннели и горы, хотел их снова увидеть.

За окном полицейский в огромных, с раструбами перчатках махал худыми руками. «Форд», груженный тюками, в блестящих подвесках, наклейках, брелоках, похожий на покрытого попоной слона, загородил перекресток. Огибая его, катились двуколки, толкаемые мускулистыми, гологрудыми хазарейцами, на одной двуколке лежал вверх дном начищенный медный котел, на другой сидел укутанный сухой старичок в белой чалме. По улице под деревьями торопился, пестрел народ, развевал одеяния, шаркал, окликал, проносил лотки с сигаретами, с калеными земляными орехами. Темнела зубчатая стена Дворца Республики с маленьким красным флагом. И над всем острозубо и ясно сверкала гора ледника.

Волков вышел из номера. Заметил, как слуга-коридорный, в дальнем углу, расстелив малый коврик, молится отрешенно, воздевая над головой руки, роняя вперед худое, гибкое тело. В нижнем холле портье и швейцар, потупив глаза, следили за ним, пока он шел к застекленному стенду со свежим выпуском «Кабул нью таймс», бегло просматривал местные и зарубежные новости.

За стойкой бюро туризма темнела блестящая, расчесанная на пробор девичья голова. Всю стену позади занимали рекламные плакаты: гончарно-солнечные, в письменах, наклоненные минареты Газни, зелено-голубые мечети Герата; бородатые, в распахнутых халатах наездники вспенивали воду горной реки.

— Доброе утро, — поклонился девушке Волков. — У вас по-прежнему пусто? Как видно, туристы сюда не спешат.

— Боюсь, их не будет совсем, — жалобно улыбнулась она. Ее английский был робким, но правильным. Глаза смотрели виновато, она выглядела замерзшей и

одинокой. — Я слышала, на дороге в Желалабад опять подожгли автобус...

— Я хотел попросить у вас туристскую карту. Возможно, мне предстоит путешествие.

Девушка протянула карту Афганистана с маленьким гербом республики. И пока рассматривал контуры приграничных с Китаем и Кашмиром провинций — Бадахшана, где хотел побывать на горных рудниках лазурита, Нангархара, где в долине субтропиков раскинулись плантации цитрусов, — услышал гулкие, приближавшиеся по лестнице голоса. Узнавал — спускались соседи, советские специалисты, работавшие по контракту в Кабуле. Обрадовался утреннему их появлению, созвучному с той давней порой, когда самолетом опускался в незнакомый утренний город и, едва заглянув в гостиницу, торопился схватить машину, мчаться то ли в целинный совхоз, то ли на какой-нибудь возводимый в глуши завод. Шагнул навстречу, выхватывая взглядом плотную фигуру Ладова.

— Нил Тимофеевич, только что вас вспоминал! Все никак не увидимся! — Накануне они встретились в министерстве, но мельком, а Волкову хотелось поподробнее расспросить его, как проходят переговоры с афганцами, как двинутся на юг трактора — к госхозам Желалабада, к недавно созданным кооперативам Кундуза, к обводненным бедняцким наделам в плодородной Кандагарской долине. — Где сейчас ваши колонны?

Ладов взял из рук Волкова карту, развернул на весу и начал показывать:

— Одна идет к Герату, вот здесь примерно. Другая — в Кундуз и Лагман, где-нибудь тут пробирается. А третья — сюда, в Кабул. Я переволновался, признаться: передавали, снег идет на Саланге, заносы, бураны. Но они, голубчики, прошли перевал. Вчера добрались в Кабул. Целы, здоровы. Все такие же синенькие. Завтра на Желалабад отправляются. К сеvu должны успеть!

— Жаль, я их у Саланга проворонил, — сокрушался Волков, складывая карту, представляя, как пробивались трактора сквозь сугробы, погружались в туннели, двигались под белыми вершинными шапками. — Я через день в Желалабад вылетаю, уж там нагоню. Распишусь на вашем голубеньком. Тоже оставлю автограф. Вы не полетите со мной?

— Никак не могу, никак. — Он замотал головой, изображая предельную занятость. — Куча дел неотложных. В Кабуле мне быть очень важно. Скоро начнется съезд

аграрников, всеафганский. Будет объявлена широкая программа — углубление земельной реформы, мелиорация, обводнение пустынь. Очень нужно послушать... Да вы заходите ко мне! Я вон народ приглашаю. — Нил Тимофеевич радушно кивал, обращаясь к друзьям синеглазое простодушное лицо. Волкову, бог весть отчего, стало больно: вспомнилась вдруг зимняя чаечка, промелькнувшая над головой Ладова.

— Нил Тимофеевич завтра товарищеский ужин устраивает, выставляет гостинчик. А как же, трактора Саланг одолели! — усмехнулся смуглый таджик из Душанбе.

И так же, гурьбой, двинулись мимо Волкова к выходу, где их ждали «уазики» с представителями кабульских ведомств. Волков слушал приветствия, возгласы, заурчавшие громко моторы.

— Следите внимательней за английской машинкой: у вас выпадает «би», — услышал он сухой недвольный голос.

Мимо проходили посольский работник и рядом, опустив глаза, то ли машинистка, то ли секретарша, лакированная и натянутая. Волков почувствовал на лице дунновение ее волос, мимолетно устремился за ней, желая его продлить. Очнулся, раздраженно подумал: «Будто в целлофане. Цаца!» Видел, как они сели в широкий приплюснутый «шевроле» и машина ушла в ворота, мигая огнями.

В маленьком сквере за отелем было ярко и солнечно, все розовело, сверкало в мягких голубых испарениях. Над розовыми кустами, прозрачными низкорослыми деревьями высилась огромная, с волнистыми ветвями чинара, захватывала в плетенье суков свод голубого неба, ледник на горе, сакли Старого города. Обнимала Кабул в могучих древесных объятиях. Под чинарой на солнце на линиялом ковре сидели два старика, пили чай из пиалок, подливая его из укутанного чайника. И от вида могучего дерева, ковровых узоров, двух мудрецов, восседавших в центре Кабула, на мгновение стало ему хорошо и свободно, и юношеская, забытая, похожая на предчувствие радость посетила Волкова.

Его синяя «тоёта» стояла во дворе отеля, где служители, разгружая фургон, таскали в ресторан ящики с пивом, и старик хазарец, упираясь рваной калошей в корявый сук, бил и бил в него блестящим кетменем, откалывая каменные крошки.

Волков завел машину, наблюдая, как быстро тает

на капоте иней. Проезжая ворота, кивнул охраннику с автоматом, вливаясь в толкучку, звонки и сигналы. И город воззрился на него глазурью, стеклом, жестяными вывесками бесчисленных лавок, гончарной лепкой уходящих в горы лачуг. Нес за ним следом серебряный, как топорик, полумесяц мечети.

Пресс-конференция проходила в МИДе, в гобеленовом зале. Генеральный секретарь ЦК НДПА, председатель Революционного Совета, премьер-министр Бабрак Кармаль делал заявление для прессы. В руке премьера пульсировал хрупкий, шелестящий у микрофона листок. Вибрирующий, нараспев, напряженный голос модулировался микрофоном. Слепили блицы, наезжали телекамеры. Сгорбленно, осторожно пробегал оператор, пронося раструб аппарата. Шелестели блокноты. Недвижно и зорко смотрела стоящая у стен охрана.

Заявление было важным. Его ждали и враги и друзья. Готовились мгновенно огласить его миру по своим телетайпам.

Речь Бабрака Кармаля была об афганской революции, вступавшей в новый период. О великом, ожидаемом веками справедливом разделе земли. О поднявшихся с колен бедняках, идущих с наделами пашни в новую жизнь, в новую справедливую родину. О разуме, мудрости, доброте, которых достоин народ, тяготекущий к плугу, тяготеющий к знаниям, к братству. Все это достижимо и близко, и было бы еще достижимей, если бы силы, враждебные народу и родине, не ударили в спину. Таков был предатель Амин, окровавивший партию и народ. Таково американское ЦРУ, натравляющее врагов на отчизну.

— Мы хотим одного — мира, — мембранно звучал голос премьера. — Его хочет рабочий, крестьянин. Хочет мулла и торговец. Хочет всякий честный афганец, желающий возрождения родины.

Волков смотрел на Кармаля, стремясь угадать его состояние. Тонкое запястье, охваченное белоснежной манжетой. Гладко выбритое лицо, внешне спокойное, внутренне стиснутое напряжением. Черно-волнистые с проседью волосы. Плотный сидящий темно-стальной костюм. Вот и все, что он видел. Глаза сквозь стекла очков не пускали в себя, вспыхивали отраженными блицами. Голос, отлично поставленный, декламировал металлически звонко.



Бабрак Кармаль разъяснял содержание нового этапа афганской революции — исправление допущенных ошибок, сплочение народа вокруг партии, возрождение экономики и культуры.

— Мы хотим, — говорил премьер, — чтобы гордый свободолюбивый, многострадальный афганский народ жил в условиях мира и процветания. Чтобы из винтовок больше не вылетало ни единой пули, направленной в человека!

Волков оглядывал зал. Поклонился и чуть улыбнулся двум знакомым афганцам из агентства «Бахтар». Поймал на себе осторожный, деликатный взгляд оператора телехроники, откликаясь на него дружелюбным кивком. «Кабул нью таймс» была представлена незнакомым темноусым работником, угрюмо погруженным в блокнот. Белокурый поляк, только что прилетевший из Дели, выражал озабоченность и нервозность, видимо связанную с недостатком информации. Корреспондент ТАСС холодно прогулялся по Волкову взглядом, и тот ответил ему вежливым, допустимым среди соотечественников отчуждением. Были шведы и западный немец, знакомые по прежним пресс-конференциям, но не было англичан и американцев, выдворенных неделю назад из Афганистана за резко враждебные публикации.

И опять оглянулось на него тонко улыбнувшееся, источавшее дружелюбие лицо, на которое Волков мгновенно откликнулся напряжением вражды, мучительным, похожим на любопытство влечением: француз из «Монд», Андре Виньяр, тот, с кем давно за глаза сражались на страницах газет и вот наконец повидались — не в Анголе, в саваннах Лусанго, во время боев с ЮАР, где были одновременно, но по разные стороны, а в Кабуле, на расстоянии улыбки, на расстоянии молниеносного, неприязню пропитанного взгляда. Случайная, ожидаемая обоими встреча. Их знакомство длилось давно, с тех пор как Виньяр высадился с японского теплохода в Находке и проделал путь до Байкала по транссибирской дороге, напечатав в «Монд» серию статей. Изящные путевые заметки из окна купе, исполненные вражды, неприязни к «дальневосточной цивилизации Советов». После этих статей газета, в которой работал Волков, направила его проделать встречный путь, от Байкала до Тихого океана. Меняя электровозы на вертолет и корабль, Волков дал серию репортажей с заводов, научных центров, из приамурских совхозов и с океан-

ских причалов, постоянно имея в виду умные и злые суждения своего оппонента из «Монд».

Началась процедура вопросов.

— Господин премьер-министр, — поднялся толстенький рыжеватый швед с колечками бакенбардов на румяных щеках. — В афганской печати постоянно упоминается о том, что свергнутый премьер-министр Хафизула Амин был агентом Центрального разведывательного управления США. Не могли бы вы, господин премьер-министр, подробнее осветить эти связи? В чем они выражались конкретно?

— Связи Амина с ЦРУ, — Бабрак Кармаль мгновенно помедлил, будто строил в уме ответ, придавая ему оптимальную форму, — эти связи были установлены задолго до Апрельской революции. — Волков следил за движением его губ, интонациями, стремился почувствовать больше, чем было заключено в скупую холодную лексику. — Они установлены со времени пребывания Амина в Америке, где он был руководителем землячества афганских студентов. План внедрения Амина в партийное руководство был тщательно разработанным, долговременным, рассчитанным в конечном счете на подрыв революции, физическое истребление лучших партийных кадров, на сползание в контрреволюцию и компромисс с реакционными проамериканскими силами. Мы располагаем неопровержимыми данными о существовании такого плана и намерены обратиться в посольство США с требованием выдать касающиеся его дополнительные документы. Сведения эти будут в свое время обнародованы.

Временами Волков оглядывался на Виньяра, ловил на себе его взгляд, проникался иллюзией зеркальной симметрии мира: он и Виньяр — двойники по разные стороны зеркала, смотрят один на другого сквозь прицельную оптику.

Поднялся тощий датчанин в черных тяжелых очках, столь тяжелых, что датчанин, казалось, ломался в поясе надвое.

— Господин премьер-министр, датские социал-демократы внимательно следят за деятельностью Народно-демократической партии Афганистана. Мы с сочувствием отнеслись к судьбе ваших сторонников, столь жестоко пострадавших от репрессий в период Амина. В этой связи позвольте спросить: не означает ли ваш приход начала сведения счетов, своего рода реванша? Не отразится ли это на внутренней ситуации в партии?

И последовал неторопливый, отшлифованный ответ:

— Я хочу быть правильно понятым. Есть единая НДПА. Устранение предателя Амина не было проявлением внутрипартийной борьбы. Это было восстание всей партии против палача и предателя. Теперь, когда Амин уничтожен, вся партия консолидированно устремляется на выполнение колоссальных задач, провозглашенных Апрельской революцией.

Волков был рад исходу быстротечной политической схватки с датчанином. Ум его напряженно работал, и не только ум, но и живое чувство, эмоции. Революция, о которой говорил Кармаль, была и его революцией, он сам не стрелял, не погибал от ударов в спину, не умирал на допросе от пыток, не делил землю, не учил стариков в ликбезах, но он был на стороне революции, бился за нее.

— Господин премьер-министр, — любезно, с легким небрежным жестом, свидетельствующим о внутренней свободе, но и с тонкой почтительностью, блестя над блокнотом золоченой ручкой, поднялся Андре Виньяр. — Существуют противоречивые версии, касающиеся свержения Хафизулы Амина. В целях выяснения истины не могли бы вы, господин премьер, сообщить «Монд» истинную версию происшедших событий?

Волков знал: не в целях выяснения истины был задан вопрос Виньяром. Золоченая капля пера, квадратик белой бумаги, алый глазок телекамеры — за этим изящным вопросом мгновенно вставали авианосцы в Персидском заливе, крылатые ракеты в Европе, гегемонистские устремления Китая. Мир был театром борьбы, состоявшей из бесчисленных схваток, и одна из них, без пуль и бомбежек, совершалась на пресс-конференции.

— Не знаю, о каких противоречивых версиях идет в данном случае речь, — холодно ответил премьер. — Ход событий неоднократно освещался в нашей печати и официальных правительственных заявлениях. Сразу же после узурпации власти Амином в борьбу с ним включились здоровые силы в партии. Антиаминовское подполье охватывало широкие слои населения, партии, армии и завершилось народным восстанием.

— Если вам не трудно, господин премьер-министр...

Виньяр в нарушение этикета слал второй вопрос вдогонку первому, в ту же цель, желая пробить оболочку, прожечь броню. И, угадывая по глазам Виньяра, по его гибкому, скользкому жесту, что вопрос задуман как тончайшая политическая двусмысленность

и любой ответ будет истолкован враждебно, Волков с места, громко, наперебой, отменяя француза другой интонацией, жестом, спросил:

— Товарищ премьер-министр, мы знаем, что второй этап Апрельской революции провозгласил обширную программу экономических и социальных мер, направленных на благосостояние народа. Что, по-вашему, самое неотложное в этом ряду?

Легким движением головы откликаясь на вопрос Волкова одному ему заметной благодарностью, переводя свои нервы и ум в иной диапазон и регистр, Бабрак Кармаль заговорил о близкой посевной, о необходимости засеять все без исключения земли, в том числе и пустующие, брошенные феодалами. Не поддаваться на шантаж и угрозы врага, желающего задушить республику голодом, а пахать и сеять.

И опять Волков, заносащий торопливо ответ премьера, представил трактора на дороге. В них, в тракторах, он видел сущность охватившей страну революции. В феодальный, глинобитный уклад, в закупоренный гончарный сосуд, обожженный в тысячелетней печи, ударили трактора, и томящийся долго дух, яростный и свободный, вырвался на волю и свет. Народ отрывает глаза от деревянных сох, от феодальных крепостей и мечетей, смотрит, как идут по дорогам глазастые голубые машины, связывает с их явлением свое возрождение из тьмы.

Следом вкисчился тассовец, спрашивал о газовом Джаркудукском месторождении, готовом к сдаче в эксплуатацию. Поднялся корреспондент из «Бахтара», спросил о планах реконструкции Кабула.

Пресс-конференция завершилась. Бабрак Кармаль покидал помещение. Гасли яркие лампы. Телеоператоры складывали треноги аппаратов. Волков, выходя из здания МИДа, поймал на себе зоркий, стальной и недобрый взгляд француза из «Монд».

Предобеденный город пестрел и клубился, глиняно-сухой, пыльно-цветастый, среди острых заснеженных гребней Асмаи и Ширдарвази с остатками крепостных стен, темневшими высоко в синеве. Жестяные ряды наполняли его грохотом молотков, наковален, грудями корыт и лоханей, витых железных кроватей. Жестящик из открытых дверей послал металлический отсвет, сгибая кровельный лист. Дровяные склады в розовых свежих поленицах, с аккуратными кипами слег и жердей

дохнули смоляным ароматом. Босой хазарец, напрягая голую грудь, вывозил двуколку, груженную кладью корявых древесных обрубков.

Волков объехал парк Зарнигар, плотно утоптаный, глинобитный, где собирались люди, усаживаясь на корточки под деревьями, торговали книгами, старой одеждой, литографиями с видами мусульманских святынь. Вывернул на набережную Лабдаря. За парапетом обмелевший мутно-шоколадный поток катил среди сорных груд, женщины полоскали разноцветные тряпки. Мечеть Шахе-Дошамшира была открыта, и у входа толпился народ. Два старика, белоснежных и пышных, выходили из темных дверей. Стиснутый толпой, чувствуя, как бьют по машине концы развевающихся накидок, Волков миновал черно-цветастый клубок рынка с чешуйчатой зеленью минарета Поли-Хишти, и мгновенно, мимолетно возникло: где-то здесь, в толпе, на прошлой неделе был зарезан человек, лежал в грязи, в луже крови с нуристанским ножом в спине.

Дворец Республики с зубцами и башнями. был в тени, и он успел разглядеть хохочущих солдат-афганцев, окруживших старинные пушки в нишах, и зеленый, с задранной пушкой, превращенный в памятник танк, отбрасывающий с постамента длинную тень. Миновал угловую башню с бойницами в солнечном морозном дыму. Вновь ехал в голубых дымах разведенных жаровен, над которыми что есть мочи махали соломенными опахалами, сыпали из совков красные угли, клали мясные гроздья, пронзенные остриями. Хлебопеки выхватывали из глубоких печей раскаленные плоские хлебы. И было во всем такое кишение жизни, устойчиво-пестрой, легкомысленной, вековечный уклад, не вязавшийся с недавней пресс-конференцией, вертолетами, возвращавшимися с боевого задания, с громадными транспортами, летящими из-за хребтов, выгружавшими войска и оружие. Волков нес в себе эту двойственность. Любовался обманчивым зрелищем восточного города.

Прямая, как луч, Дарульамман пробивала сплетенную в вершинах аллею огромных деревьев, сквозила вдали туманным желтым дворцом. Многие деревья были испорчены, умерщвлены аккуратными ударами кетменей, ободравших кору вокруг могучих стволов. Теперь, с наступлением холодов, к умерщвленным деревьям сходились семьи из соседних лачуг. Валили, уносили в дома, не оставляя на земле даже сухих семян и мороженных почек. Все предавали огню. У коротких торчащих

пней сидели дети и тяжелыми топорами откалывали малые щепы. Когда пень ровнялся с землей, начинали копать, вырывали корни до глубоких подземных отростков. Где недавно стояло огромное дерево, там зияла глубокая яма. Дрова, привозимые с гор, теперь поступали с перебоями. Были в той же цене, что и хлеб.

Волков миновал советское посольство. Чугунные ворота сдвигались, пропустив скользнувшую внутрь черную «Волгу». Проехал желтый, помпезный, версальского вида шахский дворец Каср Амманула, где после свержения шаха размещались различные министерства. Зеленые устаревшей конструкции бронетранспортеры застыли у входа. Замерзшие солдаты стояли в корытообразных, лишенных верха броневиках, опустив до глаз матерчатые вислые шапки.

Город внезапно кончился. Среди сухих прокаленных осыпей и сверканья снегов открылся Тадж, янтарный, парящий, окруженный прозрачными тенями деревьев. Волков, сбавив скорость, смотрел сквозь стекло на дворец, недавнюю резиденцию Амина, где прошла ударная волна декабрьского восстания.

При въезде в крутую аллею афганский часовой, сделав заученно зверское лицо, выбросил штык вперед, оперев его в радиатор машины. Другой подошел к дверце. Волков протянул ему журналистскую карту, но тот, не умея читать, тревожно водил белками, заглядывая в глубь машины.

— Советский! — втолковывал Волков, мучаясь, как всегда, незнанием фарси. — Мне нужно в Тадж! Посмотреть! — прикладывал он пальцы к глазам, указывая на дворец.

Из-за деревьев показался молодой щеголеватый лейтенант. Усы его с черным стеклянным блеском казались изделием стеклодува. Новая фуражка сияла красным гербом. Он взял у солдата карту. Лицо его осветилось счастливой яркой улыбкой, созвучно снегам на горах. Козырнул, возвращая билет, с наслаждением картавя:

— Товались! Журналиста!.. Позалиста... Командир!..

Волков посадил его рядом, и по узкой аллее вдоль выложенных камнями террас подкатили к караульному помещению. Там, за столом, у черной горячей печки, положив на бумаги фуражку, сидел полковник, худой, гладко выбритый, с зачесанными седеющими висками, с серебряной эмблемой на груди — знак командос парашютно-десантных частей. Лейтенант, эффектно ударив каблуками, доложил. Полковник молча смотрел на

Волкова, спокойно, чуть утомленно. Надеюсь, что он понимает по-русски, Волков повторил свою просьбу.

Полковник, оставаясь спокойным, продолжал молчать.

— Если можно, — Волков перешел на английский, — разрешите осмотреть дворец.

— Дворец пуст, абсолютно. Из него все вывезено, даже портьеры. Только голые стены. — Это не был отказ, но в холодном спокойствии было нечто задевшее Волкова.

— Где вы изучали английский? — Волков старался понять, есть ли холодность выражение неприязни к нему или только обычная сдержанность. — Завидую вашему произношению.

— Я учился в Англии, окончил высшую офицерскую школу. Еще при короле, разумеется.

— И полк получили при короле?

— Нет, полк получил при Дауде.

— Сейчас это редкость, не правда ли? — Волков почувствовал острый к нему интерес, профессиональное чувство находки, боясь его обнаружить, показаться навязчивым. — Редкость, чтобы полком командовал офицер королевской армии, да еще с английским прошлым. Вы, должно быть, член НДПА?

— Нет. Я стою в стороне от политики. Мой долг — выполнять приказы командования, служить стоящему у власти правительству. Мои симпатии и антипатии — это всего лишь мое личное дело. Но долг военного — в честном исполнении приказов. Много офицеров очень высокого класса, обучавшихся в Англии и Франции, прошедших военную школу в Америке, много отличных офицеров покинуло Афганистан. Это нанесло ощутимый вред армии. Я полагаю, что в трудные для отечества дни афганцы должны оставаться в стране, на своих постах и честно, невзирая на личные симпатии и антипатии, выполнять свой долг.

— Мне очень важны ваши мысли. — Волков испытывал к нему все больший интерес, заслонявший внимание к янтарно-белому, в легких подтеках копоти Таджу, где, он знал, истреляны стены, и парадные лестницы в брызгах осколков, и осыпанный с люстр истоптанный каблуками хрусталь, и у входа — искореженный, с выдранным требухой «мерседес» — следы недавнего штурма; все это было недавно и прошло, сменившись иной реальностью, иной журналистской задачей. — Мне бы хотелось побеседовать с вами, если вы

не против. Будущее государства, как я понимаю, зависит во многом от армии. Мне было важно услышать от вас, что кадровые офицеры, такие, как вы, получившие военное воспитание на Западе, остаются лояльными правительству. Власть доверяет им, пользуется их знаниями, вручает им полки.

Полковник колебался. Посмотрел на часы. Было видно, что предложение ему некстати.

— Видите ли, — в голосе его была неуверенность, — приближается час обеда. Сегодня я собирался обедать дома, дал обещание жене. Если угодно, мы можем пообедать вместе. И продолжим беседу.

— Мне, право, неловко. Я испорчу вам семейный обед, — неискренне сопротивлялся Волков, тайно радуясь приглашению.

— Нисколько. Если вы согласны, можем ехать сейчас. Машина моя пришла.

— Моя машина тоже здесь. Я оставил ее у шлагбаума.

— Тогда, если не возражаете, я свои отпущу. Она приедет за мной через час, — полковник поднялся. Поправляя виски, надел фуражку. Лейтенант козырнул щеголевато и преданно, щелкнул каблуками, словно расколол орех.

В районе Картее Мамурин, где жила интеллигенция и средней руки чиновники, они остановились у небольшой двухэтажной виллы, обнесенной высокой оградой. Их встретил слуга в ветхих голубых одеяниях, большая косматая овчарка страстно лизнула руку хозяина, покосилась грозно на Волкова. В стеклянных дверях появилась женщина, светловолосая, худенькая, очень легкая. Улыбалась и кивала полковнику и одновременно Волкову, не удивляясь его появлению, а напротив — ждала и радуется.

— Моя жена Френсис, — сказал полковник, изменившись в лице. Дрогнуло и исчезло выражение холодной любезности, сменившись нежностью, беззащитностью. — Она англичанка, — добавил он тихо. — Мы поженились в Англии. Пять лет живем здесь.

Волков представился. Был введен в дом, в небольшую столовую, убранную по-европейски, с жарким электрокамином и накрытым столом. Слуга уже ставил третий прибор. Френсис, опоясанная коротким цветным передником, вносила широкое блюдо с ворохом сочных трав, сине-зелеными перьями чеснока и лука, лиловым редисом, медового цвета кореньями.



Волков нахваливал прекрасно сваренный горячий бульон, замечательный плов — белую, окутанную паром стеклянную гору риса с темнеющими ломтями мяса. Разрезал огненно-красный нариндж, выдавливая сок на длинные, хрупкие рисовые зерна, похожие на крохотные полумесяцы. Старался понять этот дом и уклад, случайно ему приоткрывшийся. Этих двух людей, чьи отношения были только слегка обозначены: нежной тревогой и гордостью, светившейся на лице полковника, ответными, короткими, словно о чем-то умолявшими взглядами жены.

— Превосходный плов, — сказал Волков, обращаясь к Френсис. — Настоящий афганский. Я ел такой в чайхане. Неужели вы сами готовите?

— Благодарю, — улыбнулась она. — Видишь, Азиз, я достигла наконец совершенства. Гость не может отличить мой плов от того, что подают в чайхане.

— Гость — иностранец, — сказал полковник. — Он может и ошибиться в сравнениях. Не все, чем сегодня потчуют в Афганистане, является на самом деле афганским.

— Значит, все-таки плов неудачный? Я не угодила тебе? — шутя, но и готовая огорчиться, сказала она. — Если так, пусть готовит Сардар.

— Ну что ты! — спохватился полковник. — Чудесный обед. Наконец обедаю дома. А то все в полку да в полку, — пояснил он Волкову. — Часто в гарнизоне ночую.

— Он совсем не бывает дома, — жаловалась Френсис Волкову. — Последний год я все время одна. Это ужасно, оставаться одной. Раньше я ничего не боялась. У нас были знакомые, много милых людей. Мери Матью из американского культурного центра. Жена профессора Исмаила Шарида — он преподавал в университете историю. Бывал английский пресс-атташе, было много европейцев. Мы ездили в горы, на пикники. Подумать только, можно было ездить в горы на пикники! Теперь все наши друзья уехали. Мне страшно.

— Ну что ты, Френсис, — мягко перебил полковник. — Ничего нет страшного. Замки в нашем доме крепкие. Сардар всегда здесь. Да и у Фанни клыки, слава богу, такие, что всякий, кто их увидит, уберется подобру-поздорову.

— Нет, страшно, мне страшно! — не слушала мужа Френсис, обращаясь к Волкову. Она радовалась его английской речи, европейскому виду, находила в нем собеседника. — Здесь все переменялось за этот

296286

год. На улице на тебя смотрят так, словно вот-вот бросятся и разорвут на куски. Раньше я любила ходить на Зеленый рынок, сама выбирала овощи, свежую рыбу. Свободно заходила в дуканы. Теперь, после этих ужасных случаев, когда там двоих убили ножами в спину прямо среди бела дня, я посылаю за продуктами только Сардара. Пробовала надевать паранджу, но мне кажется, я никогда не усвою походку афганских женщин.

— Это временно, милая,— успокаивал ее полковник.— Эксцессы кончатся, и ты снова станешь ходить на Зеленый рынок и выберешь наконец куропаток по вкусу и приготовишь их с печеными грушами.

— Нет, это не кончится никогда! Твой народ не образумится. Они и тебя из-за меня ненавидят! Вот увидишь, из-за меня тебе будет плохо... Вы знаете,— обратилась она к Волкову,— ему уже угрожали. Ему подкинули письмо с угрозами.

— Все это пустяки,— полковник положил на ее белую нервную руку свою осторожную смуглую.— Это вздор, на который не следует обращать внимания.

— А что за угрозы?— спросил Волков.

— Прислали письмо. Требуют, чтобы я покинул армию. Оставил полк,— сказал полковник.

— Кто требует?

— Противники нынешней власти. Пишут, что я предал исламские идеалы, предал афганский народ. Призывают поднять в полку мятеж, перейти на сторону оппозиции.

— Они грозят, что убьют его! Убьют меня! Сожгут наш дом!— Френсис дрогнула всем телом, выхватила руку из-под ладони полковника.— Они это сделают!

— Успокойся,— чуть жестче и требовательнее, едва нахмурясь, сказал полковник.— Все это пустые угрозы. Они знают, что я не марксист, что я не в восторге от нынешней власти,— он поклонился Волкову,— вот и подвергают меня давлению. Но они должны также знать, и я позаботился, чтобы они это знали,— я остаюсь верен присяге. Тебя же, Френсис, умоляю не принимать близко к сердцу эти пустые угрозы. Можешь быть уверена, в нашем доме ты в полной безопасности.

— Уедем!— умоляла она, не стесняясь присутствия Волкова.— Уедем в Европу! Твой брат уехал в Европу. Исмаил Шарид уехал в Европу. Он говорил, что рано или поздно тебя убьют! Очередь дойдет до тебя. Я знаю, они следят за тобой, следят за нашим домом! И

сейчас, я знаю, они следят! Я чувствую повсюду их невидимые, зоркие, злые глаза! Умоляю, уедем!

— Френсис, ты знаешь мое мнение на этот счет,— твердо, сдержанно, тайно мучаясь присутствием постороннего в доме, увещевал ее полковник.— Я не могу уехать в Европу. Это вопрос моей чести и моих убеждений. Я не могу оставить родину в тот момент, когда она нуждается во мне. Те интеллигенты и коммерсанты, что уехали в Европу, и те военные, что оставили свои посты и ушли в Пакистан,— в лучшем случае, слабые духом люди. Мы столько лет мечтали о возрождении родины, желали ей процветания, желали реформ. Знали, что возрождение будет мучительным, готовили себя к испытаниям, называли себя патриотами. И вот теперь, когда наступили для нас испытания, мы все разбежимся? Теперь, когда на счету каждый образованный, просвещенный афганец? Когда наш темный, сбитый с толку народ не знает, кому верить, куда идти? Неужели мне бросить родину и уехать в Европу?

— Тогда я уеду, слышишь? Уеду одна! Больше здесь не могу! По ночам я прислушиваюсь к каждому шороху! Зачем ты меня привез? Мне здесь все чужое! Всего боюсь, все ненавижу!

Она быстро встала, вышла из комнаты.

— Извините,— сказал полковник, поднимаясь, прямой и бледный, и вышел следом. Волков, смущенный тем, что стал свидетелем их драмы, остался сидеть. Машинально ножичком срезал апельсиновую кожуру.

Они вернулись через несколько минут. Френсис улыбалась, хотя глаза ее были красными.

— Извините меня,— сказала она.— Я скверная хозяйка. Вы хотели побеседовать с Азизом, а я навязала вам женские глупости. Вы можете подняться к нему в кабинет, я принесу кофе.

Раздался звонок. Френсис вздрогнула, напряглась.

— Не волнуйся,— сказал полковник.— Это машина за мной.

За воротами стоял «уазик» с афганской военной эмблемой.

— Обязательно приходите еще. Мы поговорим о чем-нибудь веселом!— улыбалась Френсис, провожая их до дверей.

Волков простился с хозяйкой, еще раз оглянулся на затворявшую ворота маленькую хрупкую женщину, на лохматую собаку рядом с ней.

В райкоме НДПА Волков хотел повидать Саида Исмаила — выступавшего в Термезе афганца, напутствовавшего трактора. В Кабуле Саид Исмаил обрадовался ему, представил друзьям, обещал взять в трущобы Старого города, где партийцы проводили перепись беднейших семей, — готовилась раздача бесплатного хлеба. И Волков, обдумывая очерк о тракторах, хотел написать и про хлеб — хлеб революции, хлеб обновления.

Предвечерний Майванд, прямой, в красных солнечных отсветах, клубился, шумел. Одна сторона, освещенная низким солнцем, кишела толпой, пестрела дуканами, вывесками. Башмачники среди груд истоптанной обуви взмахивали молотками, сапожными ножами и иглами. Брадобреи, расстелив на земле коврики, мылили, стригли и брили, вспыхивая тонкими лезвиями. Разносчики сластей и орехов сталкивались в тесноте лотками, громко вскрикивали. Водоноши подставляли под краны овечьи бурдюки, ждали, когда кожи наполнятся, волокли в гору литые водяные мешки, отекавшие блестящей капелью. Другая сторона Майванда, в тени, не столь многолюдная, мерцала таинственным светом мануфактурных индийских лавок, рулонами тканей, ковров, никелированной и медной посудой, огоньками, открытками, дымилась шашлычными. С одной стороны на другую то и дело бросались люди, подхватывая на бегу покрывала. Над кровлями в прогалах домов островерхо и льдисто синела в снегах гора.

Среди пестрых наклеек и вывесок, пятнавших облезлые стены, Волков не без труда отыскал небольшую красную доску с кудрявой надписью. У самых дверей райкома, кинув на землю подушку, разложив гребешки и ножницы, парикмахер скоблил голубую бугристую голову склоненного перед ним старика. Волков вошел в прелый сумрак обветшалого деревянного дома. По обшарпанной лестнице, натолкнувшись на нелепую, обитую кумачом трибуну, мешавшую проходу, поднялся на второй этаж, где стихали гулы и возгласы улицы и царили другие звуки: звенел телефон, стучала машинка, звучала диктующая, отдельная речь. Волков ткнулся в одну из дверей, очутился в тесной, переполненной комнате, среди дыма, молодых энергичных лиц, громких, переходящих в крик голосов.

— Здравствуйте, Волков! — мгновенно преображаясь в лице, распуская на нем узлы напряжения, обратился к Волкову Кабир, преподаватель университета,

в кожаном дорогом пиджаке, вельветовых брюках, заправленных в модные сапоги.— Пожалуйста, проходите!— Он говорил по-английски, и Волков благодарно кивнул, прикладывая палец к губам, не желая обращать на себя внимание, прерывать своим появлением громкий, казалось на грани ссоры, спор.

На другом конце комнаты Достагир, высокий, молодой, растрепанно-кудрявый, в грубой брезентовой куртке, с кобурой на солдатском ремне, яростно, зло выговаривал Саиду Исмаилу, и тот огорченно склонил свое смуглое, большегубое, с крупным мягким носом лицо. «Оленье лицо»,— подумал Волков, не понимая их речи, но с сочувствием глядя на Саида Исмаила, на его сиренево-коричневые женственные глаза. Секретарь райкома Кадыр Ашна, полный, сонный, полузакрыв синеватые тяжелые веки, сидел за столом среди бумажных груд, не участвуя в споре. Волков, привыкая к дыму, осматривал переполненный кабинет. Провисший лысый потолок с лампочкой без абажура. Застекленный, висящий в углу портрет Ленина. Приклеенный к стене плакат с Бабраком Кармалем на фоне кулаков, сжимающих оружие. Железная, застеленная по-солдатски кровать. На ней—красный агитационный мегафон и автомат.

— О чем они спорят? О чем?— Волков наклонился к Кабиру, кивая на яростные, сверкающие белки Достагира.

— Он говорит... — Кабир приблизил к Волкову голову, задел его жестким завитком волос, и Волков почувствовал запах дорогого табака и одеколona.— Достагир говорит: время разбудить оружие. Нельзя, говорит, чтобы оружие революции дремало, когда оружие врага бодрствует днем и ночью. Нельзя революцию делать с трибуны, объявлять ее в мегафон. Революцию, говорит, надо делать из танка, объявлять ее пулеметом.— Соглашаясь со сказанным, не удержался, ударил в ладони, выкрикнул на пушту, резко качнув на стуле молодое сильное тело.

— А что говорит Исмаил? Что он теперь говорит?— Волков всматривался в «оленье лицо», вспоминая его недавно, в Термезе, с выражением благодушного счастья. Теперь, побледневшее и страдающее, оно было нацелено в спор.

— Он говорит,— Кабир, несогласный, отрицающий, подбрасывая рукой легковесные, как казалось ему, мысли Саида Исмаила, вкладывал в перевод насмешку

и желчь,— говорит, революция должна, как врач, лечить старые раны, а не делать новые. Революцию, говорит, сделают землемерный аршин и чернильница с ручкой.

Достагир засмеялся ярко и зло, брызнул белизной зубов, плеснул в сторону Саида Исмаила насмешливой сильной ладонью.

— А что сказал Достагир?

— Сказал — молодец Достагир!— если бы это было верно, на площади Революции, на постаменте поставили бы не танк, а землемерный аршин!

В комнате кто засмеялся, кто глухо загудел, несогласный.

Достагир — так Волков понимал сущность спора — призывал идти в трущобы Старого города, устроить облавы и обыски, выкурить засевших бандитов и тем самым покончить с террором. Нечего ждать, пока их выдаст народ. Бандиты явились с оружием, заставляют народ молчать. Делают с ним что желают. Народ пойдет туда, куда ему укажут оружием. Если враг укажет ему на райком, он пойдет на райком, и пусть тогда Саид Исмаил, искусный на речи, взойдет на трибуну и оттуда говорит про аршин.

Саид Исмаил, призывая других на помощь, менял свой голос от протестующих упрямых звучаний почти до мольбы. Говорил, что готов один без оружия идти в любые трущобы, проповедовать революцию. Он знает такие слова, что сильнее любого оружия. В Старый город надо идти не с винтовкой, а с хлебом, и тогда народ сам увидит, кто друг, а кто враг, и врагов приведет в райком. И тогда Достагиру, который, должно быть, забыл, что когда-то он был инженером, не придется хвастаться тем, как он метко стреляет, а придется напомнить, какой он строитель, и начать на месте трущоб строить дома для людей.

Секретарь райкома Кадыр Ашна медленно, тяжело приподнялся. Развел руками, как бы раздвинул спорящих. И они, повинувшись, умолкли.

— Что он говорит? — спрашивал Волков.

— Он говорит, эти диспуты просто безумие!— Кабир переводил, еще сопротивляясь, еще несогласный, но уже утихая.— Такие диспуты враги, прижав к дверям уши, слушают с наслаждением. Революция, говорит, это и хлеб и винтовка. Это и пуля и мегафон. Пусть агитатор берет листовку, учитель — книгу, солдат — автомат. Если враг победит, он не станет разбирать, кто

солдат, кто учитель, а повесит всех вместе тут, на Майванде, на одном фонарном столбе. Чем мы слабее, говорит, тем враг сильнее. Чем мы сильнее, тем враг слабее. Вот что он говорит!

Секретарь райкома издали улыбнулся Волкову. И Волков шагнул к нему, по пути пожимая руки, видя, как меняется выражение лиц, ему адресуются улыбки, кивки. Поздоровался с Кадыром, присел на кровати, чуть отодвинув автомат с мегафоном.

— Я слышал,— сказал Волков, не желая надолго отрывать секретаря от дела,— вы готовите раздачу хлеба. Хотел бы узнать когда, хотел бы присутствовать.

Кадыр повернулся к приколотому на стене, нарисованному от руки на кальке плану района: хаотические ячейки Старого города, сплетение тупиков и улочек Баги Омуми, прямое сечение Майванда, упиравшегося в Чамане-Хозури.

— Сегодня мы ходили в Старый город. В очень бедные семьи, в самый бедный хазарейский народ. Писали бумаги, кто в голоде, у кого дров нет, у кого нет мужа, не может принести в дом деньги, купить лепешку. Самый бедный народ писали в бумагу. Будем бесплатно давать муку, давать масло, давать дрова. Есть склад муки для самых бедных. Приходите смотреть,— Кадыр говорил по-русски, медленно шевеля окаменелыми губами, но подбирал слова твердо и верно.— На другой неделе я вам позвоню.

— Спасибо. Буду признателен. Что еще нового?

— Есть еще новости плохие. Есть плохое сведение.

— Что вы имеете в виду?

— Враги стали входить в дуканы, стали говорить с дуканщиками, нож доставать. Говорят: «Закрывайте дуканы! Если мусульманин, закрывайте, если коран читаешь, закрывайте. Если не закрывайте, мы вас убьем. Дукан поджигаем, голову режем». Это очень плохая новость. Мы тоже идем в дуканы, тоже говорим дуканщикам: «Закрывать дуканы не надо. Бояться не надо. Мы защищаем вас. Если враг к вам придет, мы встаем рядом с вами с автоматом и вас защищаем». Но дуканщики боятся врага. Если закроют дуканы, будет очень плохо, будет очень нехорошо. Народ смотрит на закрытый дуکان, начинает волноваться. Народ ходит каждый день дуکان, покупает лепешку, покупает рис, покупает чай. Дуканы закрыты — народ ничего не покупает. День голодает. Начинает волноваться. Враг хочет, чтобы дуканы закрыты, чтобы народ волновал-

ся. Поэтому мы будем все время ходить по дуканам, говорить, чтоб они открывались.

— Спасибо, Кадыр.

Волков отошел, уступая место другим, терпеливо ожидавшим и сразу же обступившим секретаря.

В коридоре, в сумраке, Достагир, нервно куривший, еще не остывший от спора, пожимал Волкову руку, зло косился на дверь. Сказал по-английски:

— Я не верю болтунам. Не затем я прошел тюрьму, не затем я прошел подполье, чтобы верить болтунам!

— Я как раз тебя хотел спросить о подполье. Ты обещал рассказать.— Волков взял его под руку, увел от кабинета, от недавней мучительной ссоры. Остановились в полутьме на лестничной клетке, где краснела бутафорская, обтянутая кумачом трибуна, извлекаемая в дни собраний и митингов, та самая, над которой язвил Достагир. Волков устроился прямо в трибуне, раскрыл блокнот. Достагир усилием воли гасил свой гнев. Старался быть любезным. Отвечал терпеливо Волкову.

— Ну что я могу сказать? Было подполье, была борьба. Когда бежал из тюрьмы, товарищи укрыли меня в Старом городе, прямо тут, за Майвандом. Здесь есть такие норы — если спрячешься, до старости никто не найдет. Отпустил усы, стал носить чалму. Если б ты меня тогда увидел, не сказал бы, что я был инженером. Так, мелкий лоточник с тряпьем! Чуть что — сразу явку менял...

Волков быстро писал, стараясь схватить недавний, исчезнувший образ борьбы, который он сам не застал. Знал: стенограмма этой беседы, записанной в сумерках в нелепой, неудобной трибуне, обернется в газете черно-белыми литерами, станет аргументом в борьбе. С тем же французом Виньяром, где-то рядом, в другом районе Кабула, готовившим свой репортаж. Волков писал, но при этом чувствовал в себе отстраненность: он касался материала извне, не был его соучастником. Это не был репортаж из подполья, а всего лишь беседа с бойцом.

— В подполье — ты успеваешь писать? — я руководил группой из пятнадцати человек. Как могли, доставали оружие. Покупали, на посты нападали, получали от сочувствующих военных. Я поставил своим задачу — просочиться, проникнуть в армию...

Волков фиксировал эпизоды борьбы. Сцены неле-



гальных собраний. Тайный полигон в песчаных холмах, где не знавшие пистолетов подпольщики учились стрелять. Тайный подвал под баней, где работал печатный станок. Хождение по Грязному рынку, где клеили листовки с воззваниями. Сидение в лохмотьях на улицах, у мостов, у мечетей — разведка аминовских машин и конвоев. Волков испытывал профессиональное возбуждение. Ему раскрывался процесс. Однако радовался до известной черты: процесс этот был не его, слишком легко доставался.

— Мы попадали в облавы. Несколько наших троек погибло. Одни в перестрелке, других пытали, замучили. Спать ложился одетым, с пистолетом в руке. Башмаки ставил так, чтоб можно было спросонья всунуть ноги и сразу бежать. Два раза в окно выскакивал. Пулей пиджак пробило. За мою голову объявили награду, вывесили на столбе фотографию. Наконец — приказ о восстании. Взяли оружие, пошли на посты. Мы брали министерство связи. Перекрыли окрестные улицы, перехватывали машины...

Волков писал. Треск ночных автоматов. Пылающие легковые машины. Взрывы гранат и бутылок. Два танка горят, облитые зажигательной смесью...

Незаметно подошел Саид Исмаил, тронул Волкова за плечо. Достагир, не окончив рассказ, гневно потрянул головой, пожал Волкову руку, отошел, не взглянув на Саида, гибкий, кудрявый, похлопывая кобуру на бедре. В сумерках было видно огорченное, с исчезнувшей мукой лицо Саида.

— Иван, я не знаю, зачем он так говорил. Мой оружие вот где! — Он коснулся своих мягких выпуклых губ. — Мой оружие — говорить, убедить. Мне не нужно «Калашников». Я ему говорил: мы не будем делать власть силой оружия. Мы будем делать власть убеждать. Я такой. Я не другой. Зачем он не хочет мне доверять?

— Саид, дорогой, что слышно из Герата? — Волков отвлекал его от одной болезненной темы, привлекая к другой. Он знал: Саид Исмаил родом из Герата, там остались его старики, жена, дети. — Какие вести из Герата, Саид?

— Приезжал один человек. Рассказывал: плохие люди входят в дома, ходят к мулла, ходят в дуканы. Хотят народ подымать, хотят делать плохо. Эти люди враги. Мне надо ехать в Герат. Я знаю там всех людей. Я сам пойду к мулла, пойду в дуканы, пойду к старики.

Скажу, не надо слушать врага, надо слушать друга. Меня надо послать в Герат. Почему меня не посылают в Герат? Ты не едешь в Герат?

— Я лечу в Джелалабад послезавтра. Хочу посмотреть, как идут в госхозы наши с тобой трактора.

— Трактора!— загорелся Саид Исмаил.— Вот наше оружие. Народ на трактора смотрит, правда видит, все понимает. Землю пахать — давай! Книги учить — давай! Мулла видит! Крестьянин видит! Чиновник видит! Все хорошо! Все дружба! Я «дружба» на трактор писал, другой тоже писал. Надо, чтобы много-много люди писали. Тогда дружба!— Он волновался, и Волков, понимая, кивал, видел, как расцветает его лицо.— Завтра иду к мулле. Приходи послушать, как я говорю с муллой!

Саида Исмаила позвали, он попрощался, ушел в темноту. Волков спустился по лестнице. Навстречу в райком поднимались два старика в грязно-белых рыхлых чалмах. Расступились, пропуская его, поклонились, прижимая руки к груди. И он по-мусульмански поклонился в ответ, прижимая к сердцу ладонь.

## ГЛАВА ВТОРАЯ

Под деревьями в сумерках стояли машины. Хозяин дома, архитектор Карнаухов, без пальто, в легком костюме, оживленный, оглядываясь на звучавшие за спиной голоса, отворил калитку, пропуская Волкова в полосу света. Мелькнули зимние — связанные, пригнутые к земле — кусты роз, отбрасывавшие колючую тень.

— Очень рад. Только что о вас говорили!— давал ему пройти вперед Карнаухов.— Вас ожидает сюрприз!

— Два сюрприза!— его жена Ксения, красивая, быстрая, чуть утомленная, чуть вянущая, но лучистая, с тяжелым афганским сердоликом на груди, протянула Волкову руку.— Первый сюрприз: помните, я в прошлый раз говорила об археологах, ну, тех, что открыли золото в Тиля-Тепе? Так вот. Они оба сейчас здесь. Один — очаровательный узбек, главный кладоискатель, а другой наш с вами земляк, москвич, реставрировал Василия Блаженного, пермские скульптуры спасал. Вы можете их обоих сколько угодно расспрашивать. И пусть они нас всех в музей пригласят.

— А какой же второй сюрприз?— Волков радовался ее смеху, радовался радушию Карнаухова. Они были похожи, утонченные и красивые, просто и со вкусом

## **Конец ознакомительного фрагмента**

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения  
невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ

Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской областной  
универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу:  
г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-48